DOI 10.22455/2619-0311-2018-1-12-20

УДК 821.161.1

Владимир Викторович

Путь русской литературы от Пушкина к Достоевскому

Статья 1

Vladimir Viktorovich

The Path of Russian Literature from Pushkin to Dostoevsky

Article 1

Об авторе: Владимир Александрович ВИКТОРОВИЧ (1950), доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета (Коломна). Живет в Коломне. E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

About the author: Vladimir A. VIKTOROVICH (1950), Doctor of Letters, Professor of the Department of Literature at the Kolomna State University of Humanities and Social Studies. Lives in Kolomna. E-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. Предложен краткий обзор значимых суждений о соотношении художественных миров Пушкина и Достоевского. Выделяется проблема «Достоевский в Пушкине», актуализующая возвратное движение культуры в ее «большом времени». Конкретно русская литература разворачивала («проращивала») однажды заданный потенциал («зерно»), каковым оказалось для нее эстетическое наследие Пушкина. Проблема «Достоевский в Пушкине» – проблема саморазвития русской культуры через творческое самосознание.

Ключевые слова: Пушкин, Достоевский, путь русской литературы, пушкинские начала.

Abstract. The article offers a brief overview of the significant opinions about the artistic worlds of Pushkin and Dostoevsky. Special consideration is given to the problem of “Dostoevsky in Pushkin” that highlights the culture’s reverse movement in its “big time.” Specifically, once a specified capacity (“grain”) had been set, Russian literature developed (“germinated”) it; the aesthetic heritage of Pushkin became such a grain. The problem of “Dostoevsky in Pushkin” is the problem of Russian culture’s self-development by means of the creative mind.

Key words: Pushkin, Dostoevsky, the path of Russian literature, Pushkin’s basis.

Суть проблемы была заявлена самим Достоевским в Речи о Пушкине: «Все эти сокровища искусства и художественного прозрения оставлены нашим великим поэтом как бы в виде указания для будущих грядущих за ним художников, для будущих работников на этой ниве» [Достоевский 1972–1990: XXVI, 144–145]. Когда через полвека, в знаменательном 1937 году, русские эмигранты первой волны «переключались» именем Пушкина и натывались на недоумение европейских друзей (Толстой, Достоевский, Чехов – было бы понятно, но почему Пушкин?), они сумели ответить им, да и самим себе, вековому заблуждению отечественной критики.

«Имя Пушкина <...> не может стать мировым подобно Данте, Шекспиру и Гете, но через свое озарение русского – через Толстого и Достоевского – безымянно входит в мировое...» [Ремизов: 339–340]. Вопрос-ответ был обращен не только к европейцам, что уточнил Владимир Вейдле в статье «Пушкин и Европа»: «А Россия, знает ли она <...>, что из всех великих дел, начатых или задуманных у нас, ни одно не осуществилось так сполна, как его дело, и что всё Россией, за сто лет возвращенное или подаренное Европе, родилось из его труда и пронизано светом его гения?» [Вейдле: 269; ср. Палиевский: 210–212].

Удивительно, как промытыми оказываются глаза у тех, «кто посетил сей мир в его минуты роковые»!

Ф.М. Достоевский как продолжатель Пушкина выглядит странно с точки зрения тривиальных о нем представлений. Два этих имени – Пушкин и Достоевский – образовали как будто бесспорную антитезу: несхожесть их личностей, стилей, художественных миров неоднократно становилась предметом авторитетных спекуляций о воплощенных ими полюсах «здорового» и «больного» в отечественной культуре [Горький: 252], «гармонии» и «дисгармонии» [Гроссман: 67], «света» и «мрака» [Позов: 283]. Сам собою являлся вопрос, как столь далекий Пушкину больной, дисгармоничный и мрачный Достоевский, именно он Речью 8 июня 1880 года задал поворот русского общества к великому поэту, к новому пониманию его наследия. По словам Д.С. Мережковского, Достоевский первым увидел в Пушкине «великого мыслителя, мудреца»: «Все говорят о народности, о простоте и ясности Пушкина, но до сих пор никто, кроме Достоевского, не делал даже попытки найти в поэзии Пушкина стройное мирозерцание, великую мысль» [Мережковский: 93] (что не вполне справедливо, если вспомнить Ап. Григорьева, правда, не услышанного современниками, посмеявшимися над «нашим всем»). Мережковский дал эффектное объяснение помянутого парадокса: Достоевский, предположил критик, «любит Пушкина, как самое недостижимое, самое противоположное своей природе, как смертельно больной – здоровье, – любит и уж более не стремится

но заметно суживало горизонт проблемы, им же обозначенный как «пласты народного языка». Разрешить указанное противоречие призвана теоретическая гипотеза о «генетической памяти литературы», выдвигавшаяся в последние годы С.Г. Бочаровым.

Испытывая жестокую аллергию от компаративистских терминов «влияние» и «типология», а также и от постмодернистского «интертекста», Бочаров расширяет бахтинскую «память жанра» до пределов памяти литературы (культуры) как некоего единого, живого, развивающегося организма (отсюда естественнонаучный эпитет «генетическая»). «Прорастание достоевской темы из пушкинского зерна» [Бочаров: 14] (прекрасная и удивительно идущая к делу метафора!) исследователь представляет как процесс, происходящий в писателе даже помимо его воли. Потому слово «память» он предпочитает заменить когда-то брошенным А.Л. Бемом словечком «припоминание». Россыпь таковых припоминаний, в том числе пушкинских у Достоевского, щедро рукою разбросана по работам Бочарова последних лет. Мы будем неизбежно к ним обращаться, пока же не лишним считаем отметить: 1) смену теоретических вех, вместо «интертекстуальности» – «интерсубъективности», 2) идущее от Бема понимание метода Достоевского как «творческого анамнезиса» [Бочаров: 12], 3) все-таки точный характер научного анализа, страдающего контекстуальной недостаточностью. Дабы не быть голословным в этом третьем, критическом пункте, приведу пример. Великий инквизитор Достоевского с его цинично-безнадежным «И люди обрадовались, что их вновь повели, как стадо» [Достоевский 1972–1990: XIV, 234] был, как уверяет Бочаров, «предсказан» одним стихом Пушкина:

К чему стадам дары свободы?

– да и другими образами стихотворения «Свободы сеятель пустынный» (1823). В особенности «Ярмо с гремушками да бич» напоминает исследователю инквизиторское: «Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками» [Достоевский 1972–1990: XIV, 236]. Вывод: «...текст “Великого инквизитора” пушкинское стихотворение помнит» [Бочаров: 15]. Следовало бы добавить, что он «помнит» и утопию Чернышевского (наиболее очевидное и близкое «припоминание»), и энтузиазм Белинского («Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью») [Белинский: 484]⁴, когда-то увлекший будущего автора «Братьев Карамазовых», и разнообразные ближние и дальние источники [см.: Достоев-

⁴ Фраза из того самого письма В.П. Боткину от 8 сентября 1841 года, где Белинский провозгласил свою новую религию «Отца-Разума», «идею социализма» как «идею идей».

ский 1972–1990: XV, 462–465; Ветловская: 510, 514; Викторович]. На их фоне пушкинское стихотворение не то чтобы теряется, но встает в исторический ряд, который **сообща** формирует идею Великого инквизитора. Пушкинская версия является скорее всего частью собирательного образа народа-стада, складывавшегося в русской и европейской словесности, где Пушкин не был первооткрывателем, но внес весомую лепту. Потеря контекста создает впечатление, будто исследователь ограничил себя выбранным пространством, за пределами которого бушует не замечаемый океан (что вообще-то для Бочарова не характерно).

Приведенный пример, как и другие, о которых речь впереди, выдает понятную (в том числе и моему поколению), но все же избыточную боязнь довлеющих надличностных субстанций, воздействующих на литературу (культуру). Статью «О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти» С.Г. Бочаров начинает с глубокомысленного замечания А.М. Панченко о «великой тихости» русского воинства перед битвой в «Сказании о Мамаевом побоище» и в лермонтовском «Бородине». Совпадение Бочаров вслед за Панченко склонен объяснить проявившейся там и там «*волей национальной топики*» [Бочаров: 7]. Путь, что называется, указан, но через страницу исследователь теряет его в калейдоскопе новых номинаций: «культурно-историческая телепатия», «резонанс», «кровеносная система» и, наконец, «припоминания». Последний термин торжествует, но почему-то жаль первого, *национальной топики*, с которой всё так хорошо начиналось.

Незавершенность и даже растерянность честно констатирует сам автор:

Как совместить национальную топику с литературным припоминанием и резонантным пространством в едином теоретическом представлении? Как сшить теорию из образов телепатии, резонанса, ткани и кровеносной системы? <...> При недостаточной сформулированности теории выручают примеры. <...> в той картине действия не совсем нам понятной творческой силы, какую мы пробуем воссоздать, они активны и продуктивны, это как указательные стрелки в нужную сторону [Бочаров: 35].

Маркировать «творческую силу», которая руководила движением пушкинских идей и образов в художественном пространстве Достоевского, – задача и впрямь не простая. Указать на гений или на генетику еще недостаточно, неплохо бы уяснить природу самого *гена*. И Пушкин и Достоевский были частью национальной культуры, действовавшей в них и через них. Слово «часть» здесь не вполне подходящее по своей арифметичности; как нам кажется, более соответствующим будет термин «начало». Мы говорим о *пушкинских началах* русской литературы, имея в виду ее «корни»,

к нему» [Мережковский: 153–154]. Для красного словца критик не пожалел и Достоевского, приписав ему, скорее всего, собственные комплексы. К тому же важно знать, в чем заключается самое «здоровье». Горький, совпавший с Мережковским в дефиниции «больной Достоевский», в конечном счете пошел от нее совсем в другую сторону. Эффект антиномных сентенций стремителен, но краток, поэтому апофегма о «природе» Достоевского, якобы «противоположной» Пушкину, оказалась несколько опрометчивой. Последующие исследования заставляют нас думать о глубинном родстве двух русских гениев [см., напр.: Степанян].

Литература на тему «Пушкин и Достоевский» на сегодняшний день приобрела необъятные размеры. Мы постараемся держаться направления, которое в свое время обозначил известный пушкинист: право на существование, заявил он, имеет не только тема «Пушкин в Достоевском», но и – «Достоевский в Пушкине» [Благой: 355]. Заявление, правда, не блистало уже и тогда особенной оригинальностью. Задолго до того обе темы развивал А.Л. Бем, позволивший себе в полемическом запале высказаться с излишним, может быть, заострением: «...исторического Пушкина вовсе и нет, а есть Пушкин неисчерпаемых возможностей, прозрачные воды гениальности которого открывают такие глубины, заглянуть в которые помог нам равноценный ему по своей гениальности писатель» [Бем: 50]¹. Раньше же всех Достоевского в Пушкине обнаружил Д.С. Дарский в яркой, но до сей поры недооцененной книге [Дарский 1915]. «Неизмеримая глубина» Пушкина, как уверял Дарский, открывается лишь при соотнесении его с Достоевским. По определению Б.М. Эйхенбаума, затем надолго забытому, книга Дарского прокладывала новаторский «путь к Пушкину через Достоевского» [Эйхенбаум: 1]².

Теоретические основания этому восстанию против позитивистского литературоведения дает активно развивающаяся литературная герменевтика. Наблюдая «процесс рецепции, постепенно добирающей значения, не ожидавшиеся или отсутствующие в горизонте первичного восприятия», она задумалась о возможности возвратных путей в искусстве: «...может случиться, что потенциальное значение произведения останется непонятым до тех пор, пока “литературная эволюция” не достигнет (в актуализации прежней формы) того горизонта, который только и позволяет най-

¹ В цитируемой статье 1933 года полемическое заострение было вызвано утверждением немецкого литературоведа Г. Геземанна, будто Достоевский в известной Речи сотворил миф о Пушкине и теперь мы благодаря его авторитету имеем не исторического, а легендарного Пушкина. Вполне позитивистское воззрение, живучее и поныне, на что тогда же было и отвечено: «то, чего в произведении не заключено, из него нельзя вычитать» [Бем: 44].

² Основной свой пафос учёный затем сфокусировал в речи, произнесённой в 1923 г. в Обществе любителей российской словесности и опубликованной через многие годы [Дарский 2006].

ти ключи к непонятой ранее форме» [Яусс: 73]³. По слову М. Бахтина, «в точке контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед» [Бахтин: 364]. Другой филолог прямо нацеливает нас на изучение и прямых, и обратных токов: «Взаимодействие художественных текстов и писателей в процессе исторического развития культуры следует рассматривать не как однонаправленный процесс, в котором одна сторона активна, а другая занимает исторически пассивную позицию, а как диалог, процесс двусторонне-активного взаимодействия» [Минц: 123, см. также Гаспаров, Бухаркин].

Возвратное движение культуры может быть объяснено, даже чисто технически, через понятие «интерпретация» или, по выражению философа-герменевта XX века, «интерпретированное бытие» как «способ существования» [Рикёр: 42]. В этом смысле движения *вперед* и *назад* взаимосвязаны и взаимообусловлены. «Всякая традиция живет благодаря интерпретации – такой ценой она продлевается, то есть остается живой традицией» [Рикёр: 58]. Задолго до современных герменевтов о том же сказал Шиллер в «Памятках» (*Tabulae Voltivae*), вводя вслед за Кантом всеобъясняющую (на его взгляд) категорию «гений»:

Ты, подражатель, творишь лишь в пределах готовых творений.

Гения творческий дух зрит и в твореньях руду.

[Шиллер: 184]

Суть проблемы, на наш взгляд, состоит не только в том, что Пушкин или Достоевский находили *свое* в *чужом* как гении культурного диалога. Суть в том, что оно там действительно было, потом переработанное ими как руда! Иначе говоря, некое начало («Пушкин») накапливалось в лоне русской и мировой культуры, и, наконец, потребовалась творческая личность, которая бы овладела накопленным и потратила «депозитный вклад» [Рикёр: 58]. Эта личность не могла не явиться, в противном случае «заглохла б нива жизни». Так «Евгения Онегина», по выражению Бахтина, «подготовили и сделали возможным столетия (а может быть, и тысячелетия)». И он же по другому поводу: «Смысловые сокровища, вложенные Шекспиром в его произведения, создавались и собирались веками и даже тысячелетиями: они таились в языке, и не только литературном, но и в таких пластах народного языка, которые до Шекспира еще не вошли в литературу...» [Бахтин: 345, 332]. Развивая эту мысль, Бахтин неизменно возвращался к излюбленной «памяти жанра», что было весьма плодотворно,

³ Представление о невостребованных потенциях формировали ещё романтики с их призывом «понимать автора лучше, чем он сам понял себя» (Шлегель: 17). См. также [Громов: 23–24].

«стихий» (такие синонимы предлагает Словарь Даля). Они оказались способными к прорастанию на новых исторических почвах, правда, при соответствующих усилиях опытных садовников («плеяды», по выражению Достоевского). Поэтому проблема «Достоевский в Пушкине» – проблема саморазвития русской культуры через творческое самосознание. Иными словами, что вычитал Достоевский у Пушкина, характеризует не только того и другого как исторически очерченные личности, но и самое движение русской культуры сквозь историю. Достоевскому это виделось как развертывание однажды заданного потенциала. «Пушкин <...> унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [Достоевский 1972–1990: XXVI, 149] – в этой фразе высказалась мистерия русской культуры, где сам Достоевский сыграл ключевую роль.

Остается лишь раскрыть конкретное значение пушкинских начал в эстетическом поле Достоевского.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982.
3. Бем А.Л. Достоевский – гениальный читатель // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 35–57.
4. Благой Д.Д. Достоевский и Пушкин // Достоевский – художник и мыслитель. Сб. ст. М.: Художественная литература, 1972. С. 344–426.
5. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012.
6. Бухаркин П.Е. Об одной параллели к письму Татьяны («Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Демон» М.Ю. Лермонтова) // Бухаркин П.Е. Риторика и смысл: Очерки. СПб.: Изд-во Санкт-петербургского ун-та, 2001. С. 128–130.
7. Вейдле В. Пушкин и Европа // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / сост., вступит. ст. и коммент. М. Филина. М.: Русский мир, 1998. С. 258–269.
8. Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский дом, 2007.
9. Викторovich В.А. Дополнения к комментарию // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 10. СПб.: Наука, 1992. С. 158–159.
10. Гаспаров Б.М. Структура текста и культурный контекст // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. С. 275–276.
11. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Художественная литература, 1953. Т. 25.
12. Громов Е.С. Искусство и герменевтика. СПб.: Алетейя, 2004.
13. Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919.
14. Дарский Д.С. «Маленькие трагедии» Пушкина. М.: Московская художественная печатня, 1915.
15. Дарский Д.С. Пушкин и Достоевский / публ. В.А. Викторovichа // Из истории филологии: сб. ст. и материалов к 85-летию Г.В. Краснова. Коломна: КГПИ, 2006. С. 171–192.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972–1990.
17. Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX –

первая половина XX в. / сост., вступит. ст., биобиблиогр. справки Р.А. Гальцевой. М.: Книга, 1990. С. 92–160.

18. Минц З.Г. Блок и Гоголь // Блоковский сборник. 2. Тарту: Изд-во Тартуского государственного университета, 1976.

19. Палиевский П.В. Пушкин в движении европейского сознания // Палиевский П.В. Развитие русской литературы XIX – начала XX века. Панорама. СПб.: Росток, 2016. С. 206–217.

20. Позов А. Метафизика Пушкина. М.: Наследие, 1998.

21. Ремизов А.М. Сны Пушкина // Пушкин в эмиграции. 1937. М.: Прогресс-традиция, 1999. С. 339–345.

22. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. С. Вдовиной. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.

23. Степанян К.А. Пушкин – родоначальник «реализма в высшем смысле» // Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Книга, 2009. С. 52–67.

24. Шиллер Ф. Подражатель // Шиллер Ф. Избранное: в 2 т. Самара: ABC, 1997. Т. 1. (перевод Е.Г. Эткинды).

25. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1.

26. Эйхенбаум Б.М. Критическое обозрение // Русская мысль. 1916. № 4.

27. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.

References

1. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorчества* [Esthetics of Written Word (In Russ.)]. Moscow, Iskusstvo, 1979.

2. Belinskij V.G. *Sobr. soch.*: v 9 t. [Works in 9 vls. (In Russ.)]. T. 9. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1982.

3. Bem A.L. *Dostoevskij – genial'nyj chitatel'* // Bem A.L. *Issledovanija. Pis'ma o literature* [Dostoevsky as a Genial Reader // Studies. Letters about Literature (In Russ.)]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury, 2001. P. 35–57.

4. Blagoj D.D. *Dostoevskij i Pushkin* // *Dostoevskij – hudozhnik i myslitel'* [Dostoevsky and Pushkin // Dostoevsky as an Artist and Thinker (In Russ.)]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1972. P. 344–426.

5. Bocharov S.G. *Geneticheskaja pamjat' literature* [Genetic Memory of the Literature (In Russ.)]. Moscow, RGGU, 2012.

6. Buharkin P.E. *Ob odnoj paralleli k pis'mu Tat'jany («Evgenij Onegin» A.S. Pushkina i «Demon» M.J. Lermontova)* // Buharkin P.E. *Ritorika i smysl: Oчерки*. [About a Certain Parallel to Tatiana's Letter (A.S. Pushkin's "Eugene Onegin" and Lermontov's "Demon") (In Russ.)]. St. Petersburg, SpGU publ., 2001. P. 128–130.

7. Darskij D.S. *«Malen'kie tragedii» Pushkina* [Pushkin's "Little Tragedies" (In Russ.)]. Moscow, Moskovskaya hudozhestvennaya pechatnaja, 1915, 72 p.

8. Darskij D.S. *Pushkin i Dostoevskij* / publ. V.A. Viktorovicha // *Iz istorii filologii: sb. st. i materialov k 85-letiju G.V. Krasnova* [Pushkin and Dostoevsky / By V.A. Viktorovich // Exerpts on the History of Philology: Articles and Materials in Honor of G.V. Krasnov's 85th Anniversary (In Russ.)]. Kolomna, KGPI, 2006. P. 171–192.

9. *Dostoevskij F.M. Polnoe sobrahne sochinenij v 30-ti tomah*. [Complete Works in 30 vls. (In Russ.)]. Leningrad: Nauka, 1972–1990.

10. *Eichenbaum B.M.* Kritischeskoe obozrenie [Critical review (In Russ.)]. Russkaya mysl'. 1916. № 4.
11. *Gasparov B.M.* Struktura teksta i kul'turnyj kontekst // Gasparov B.M. Literaturnye lejtmotivy [Text Structure and Cultural Context // Gasparov B.M. Literature Motives (In Russ.)]. Moscow, Nauka, 1994. S. 275–276.
12. *Gor'kij M.* Sobr. soch.: v 30 t. [Works: in 30 vls. (In Russ.)]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1953. V. 25.
13. *Gromov E.S.* Iskusstvo i germenevtika [Art and Hermeneutics (In Russ.)]. St. Petersburg, Aletea, 2004.
14. *Grossman L.* Biblioteka Dostoevskogo [Dostoevsky's Library (In Russ.)]. Odessa, 1919.
15. *Jauss H.-R.* Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija // Novoe literaturnoe obozrenie [Literary History as a Provocation of Literary Studies // NLO (In Russ.)]. 1995. № 12.
16. *Merezhkovskij D.* Pushkin // Pushkin v russkoj filosofskoj kritike: Konec XIX – pervaja polovina XX v. / sost., vstupit. st., biobibl. spravki R.A. Gal'cevoj [Pushkin // Pushkin in the Russian Philosophic Critics: the End of the 19th – the 1st Half of the XXth cc. / Ed. and comm. by R.A. Gal'ceva (In Russ.)]. Moscow, Kniga, 1990. P. 92–160.
17. *Minc Z.G.* Blok i Gogol' // Blokovskij sbornik [Blok and Gogol // Blok Collection (In Russ.)]. 2. Tartu, Tartu State University publ., 1976, 592 p.
18. *Palievskij P.V.* Pushkin v dvizhenii evropejskogo soznanija // Palievskij P.V. Razvitie russkoj literatury XIX – nachala XX veka. Panorama [Pushkin in the Evolution of European Psyche // The history of the Russian Literature of XIX – the beginning of XX c. (In Russ.)]. St. Petersburg, Rostok, 2016. P. 206–217.
19. *Pozov A.* Metafizika Pushkina [Pushkin's Metaphysics (In Russ.)]. Moscow, Nasledie, 1998, 320 p.
20. *Remizov A.M.* Sny Pushkina // Pushkin v jemigracii: 1937 [Pushkin's Dreams // Pushkin in the Emigrant World: 1937 (In Russ.)]. Moscow, Progress – Tradizija, 1999. P. 339–345.
21. *Rikjor P.* Konflikt interpretacij. Očerki o germenevtike / per. I. S. Vdovinoj [The Conflict of Interpretations. Sketches of Hermeneutics. Trans. by I.S. Vdovina (In Russ.)]. Moscow, Kanonpress-C, Kuchkovo pole, 2002, 624 p.
22. *Shiller F.* Podrazhatel' // Shiller F. Izbrannoe: v 2 t. [Imitator // Selected Works of Schiller (In Russ.)]. Samara, ABC, 1997. V. 1. P. 184 (Trans. by E.G. Jetkind).
23. *Shlegel' F.* Jestetika. Filosofija. Kritika: v 2 t. [Aesthetics. Philosophy. Critics. In 2 vls. (In Russ.)]. Moscow, Iskusstvo, 1983. V. 1.
24. *Stepanyan K.A.* Pushkin – rodonachal'nik «realizma v vysshem smysle» // Stepanyan K.A. Javlenie i dialog v romanah F.M. Dostoevskogo [Pushkin as a Founder of “Realism in a Higher Sense” // Apparition and Dialog in F.M. Dostoevsky's Novels (In Russ.)]. St. Petersburg, Kriga, 2009. P. 52–67.
25. *Vejdle V.* Pushkin i Evropa // “V kraju chuzhom...”. Zarubezhnaja Rossija i Pushkin / sost., vstupit. st. i komment. M. Filina [Pushkin and Europe // “In Foreign Land...” Russia Abroad and Pushkin / Ed. by M. Filin (In Russ.)]. Moscow, Russkij mir, 1998. P. 258–269.
26. *Vetlovskaja V.E.* Roman F.M. Dostoevskogo «Brat'ja Karamazovy» [F.M. Dostoevsky's Novel “The Brothers Karamazov” (In Russ.)]. St. Petersburg, Pushkin House, 2007, 206 p.
27. *Viktorovich V.A.* Dopolnenija k kommentariju // Dostoevskij. Materialy i issledovanija [Annexes to Commentary // Dostoevsky. Materials and Studies (In Russ.)]. T. 10. St. Petersburg, Nauka, 1992. P. 158–159.1.